

Чтож, вот мы и снова тут. Неделька, что, казалось, больше нужна была мне, чем Виктору, прошла плодотворно. Ну а как назвать то, что я, в перерывах между чтением «мыслей» на столе, попытками открыть «не открываемое» и перевариванием ранних этапов жизни Франкенштейна умудрялся насиловать себе мозг Копьём. Так сказать, слушал концерт ВИА* «Безумие и Ко». За семь «сделочных» дней, удалось поставить новый рекорд – сделать целый шаг, почти вплотную подходя к двери. Ну а за последующие, когда я инвестировал всю боль моего изнасилованного Копьём разума в пение, чем насиловал мозги уже Виктору, удалось продлить время с «ай, блять, еб... любить вас всех, ну его нафиг, шаг назад» до «ладно, минут пять могу и потерпеть». Такое ощущение, что после определённого момента, каждый новый сантиметр приходилось выгрызать зубами, борясь за собственный разум. Боюсь представить, что будет, когда я вплотную приближусь к двери? Меня разорвёт как хомячка от капли никотина?

В любом случае, выбирать-то мне особо и не приходилось. Дело в том, что этот суицидник доморощенный, совсем хиреть начал – видать всё-таки хвалебная сила Копья имеет пределы. Так что вот уже третий день я имею «удовольствие» читать записи о том, что тело Франкенштейна начало слабеть. Вернее, как, слабеть – в нём сейчас силы, благодаря той дряни вампирской, и так с гулькиным нос – выезжает только на регенерации, что ему даёт Копьё. И вот она, заёмная регенерация, как раз, начала сдавать позиции. Если раньше всё было в шатком паритете – отравляла подавляла восстановление тела самого Франкенштейна, пока то постоянно кровоточило, а Копьё разве что могло давать регенерацию до той степени, чтобы не загнуться от кровопотери, то вот сейчас равновесие было нарушено. Ещё слабо, едва заметно, но не для Виктора и, как следствие, меня (спасибо тебе, высокоорганизованный разум Франкенштейна за то, что ты есть и то, что в тебе есть я).

Так что, у меня не было времени долго и упорно взвешивать все «за» и «против», вплотную приближаясь, кхем, к дедлайну. Впрочем, всё как я люблю – ведь все же знают, что месячный проект получится лучше и круче, если начать делать его за двадцать четыре часа перед сдачей? Нет? Кхм, ладно... Конечно, можно было сколько угодно сидеть и рассуждать, дескать, пофиг, если жизнь будет хуже смерти, то и не надо тогда этой вашей жизни такой. Вот только стоило настоящей Костлявой замелькать на горизонте, как, словно по волшебству, переобуываясь в прямо посреди прыжка, я сменил направление мыслей. Жить действительно хочется (и очень), а я не Франкенштейн, который тут кукует уже целый год, отчего успел внутренне смириться, так что надежда во мне бьёт ключом. Разводным. По голове.

Стоило лишь понять, что Виктор со дня на день собирается отбросить копыта, как у меня тут же открылось второе, а потом и третье с четвёртым дыхания: и сопротивляться «шёпоту» начал в разы лучше, и петь... хуже. Так что немудрено, учитывая совокупность всех факторов, что на четвёртый день мне ответили, а значит – пора. Я бы ещё поплевал через плечо, на удачу, да только дерева настоящего нету, чтоб «ритуал» завершить полностью, так что...

— Знаешь... я тут подумал, — дожили, звучу как какой-то школьник, впервые приглашающий понравившуюся одноклассницу погулять.

— Ну, наконец-то решил, о чём на этот раз хочешь спросить?

— Да вот... — соберись, тряпка, вон даже паранойя голову высунула из... это, что,

энергетический купол, возведённый вокруг бетонного бункера?! Кхм, в общем, даже параноя говорит, чтобы я булки расслабил и говорил как мужик, а не вёл себя как девственница перед дембелем! — Эм, в общем, давай я тебя подменю?

Кажется, я сломал Франкенштейна — вон как вокруг всё залило эмоцией непонимания и даже какого-то подозрения.

— В каком смысле «подменю»?

— Ну... в прямом? — да чтож такое-то, ведь репетировал же!

— В каком это «прямом»? — в голосе Виктора послышалась неприкрытая угроза, отчего я даже пришёл в себя, вздрогнув. Так, делаем глубокий вдох, а затем выдох... Ну, понеслась, сегодня я, либо всё просру позорно, либо победу... побегу? В общем, выиграю.

— Ну что тут не понятно? — оп-па, а чего это цепи звенеть начали, да жутью повеяло? — Так, стоп. Давай поговорим как нормальные люди — нечего на меня тут Копьё натравливать!

А в ответ тишина.

— Виктор? — вот я и добегался, кажется. — Витенька? Витюша? Франкенштейн! Так, хватит, я сейчас сам сорву эти чертовы цепи, если ты не прекратишь мне тут жути нагонять и не выслушаешь меня! — не люблю, когда мне угрожают, я от этого психовать начинаю. Вот только фраза про «цепи» заставила моего собеседника натурально зависнуть, словно доисторический «виндоус», которому показали диск с «Крайзисом», отчего эти самые цепи перестали звенеть, а жути поубавилось изрядно.

— Какие... цепи? — в голосе Франкенштейна мелькнуло подозрение, а меня всего передёрнуло, заставляя по телу пробежать волну мурашек, будто от очень пристального взгляда в спину.

— Те, которые ну... Копьё удерживают?

— Ты их видишь?

— А не должен? — что-то я перестал улавливать ход мыслей собеседника.

— Не должен... — от раздавшегося за спиной звука я едва не вскрикнул, словно девчонка, только сейчас понимая, что до этого всё наше общение было мысленным, а не голосовым. Резко развернувшись, я отшатнулся, ведь сзади стоял высокий длинноволосый блондин с осунувшимся и болезненным лицом, в белой рубашке-сорочке, с каким-то воротником-галстуком, жабо вроде бы называется; мешковатыми рукавами и тёмными... штанами? На штаны, впрочем, они слабовато тянули, скорее какие-то обтягивающие бриджи до колен, из-под которых виднелись длинные, не то носки, не то колготки, не то чулки. Белые. А на ногах

туфли, такие классические, века восемнадцатого, как на Моцарте.

— Это кюлоты.

— Чего? — я это, сейчас, что, в слух сказал?

— Говорю, это не «бриджи», а кюлоты – традиционная одежда аристократа восемнадцатого века. И, да, сказал.

— Блядь!

Франкенштейн усмехнулся, отчего его осунувшееся лицо приобрело опасный оскал.

— Вот тут я с тобой полностью соглашусь – ситуация у нас та ещё «блядь». Ну, здравствуй, «Шиза православная»... — подколот он меня моей же фразой.

— Эм... привет? — захотелось по-дурацки пригладить волосы на затылке и одновременно начать прыгать как маленькая девочка. Сколько я тут, три недели? Месяц? Такое ощущение, что самую настоящую вечность. Был бы он женщиной, даже пусть страшной – расцеловал бы, смеясь как идиот... Ну или как Робинзон Крузо, впервые увидевший свою Пятницу (в той версии, когда это была именно она).

В то же время как я разглядывал Франкенштейна, не зная, что делать дальше, он, по всей видимости, занимался тем же. Н-да уж, на фоне, даже в таком состоянии остающегося красавчиком, Виктора, я смотрелся откровенно не очень: да – мужествен (очень надеюсь на это), да – бородат, да – с собранными в хвост волосами. Только я больше напоминал эдакого боевого гнома (пусть и переростка, ростом метр шестьдесят или около того) – Гимли какого или Мурадина, только борода не такая шикарная. Виктор же больше напоминал эльфа, не Роулинг, прости хоспади, а Толкиена – высок (на голову-полторы выше меня), отлично сложен, хотя и видно, что сильно истощён; блондинистые завивающиеся к концам волосы, правильные черты лица. Одним словом – любимчик женщин. Донжуан хренов.

— Значит всё-таки не шизофрения... — со вздохом, казалось, облечения, Виктор махнул рукой и за его спиной появился стул, на которой он, устало крякнув, сел.

— Не шизофрения, не шизофрения, — передразнивая его, я махнул рукой в похожем жесте, только вот, естественно, никакого стула за мной не появилось. Впрочем, я даже и не надеялся, а просто посмотрел на Виктора, приподняв бровь в немом вопросе.

Словно повинаясь воле какого-то волшебника, с очередным взмахом руки Франкенштейна, хотя скорее это было похоже на отмашку, появился стул, на который я и уселся.

— Поговорим?

— Ну, давай, коль не шутишь... — слегка приподнял он уголки губ на своём измождённом лице, после чего устало откинул голову назад.

— Слу-у-шай...

— Опять петь начнёшь? — на меня посмотрели с укором, склонив набок так и запрокинутую назад голову.

Я поморщился.

— Самому противно было, но ты же на переговоры не шёл, вот и выкручивался как мог...

— Ага, выкручивался, — пробурчал Виктор, — Скорее мозг мне выкручивал. Изнутри, — намекаяще обведя глазами кабинет, Франкенштейн сложил руки на груди.

Я лишь пожал плечами.

— Так что ты там хотел-то?

— Ты про сейчас или вообще? — и пока он не успел ничего ответить, продолжил. — Если сейчас, то... Забахаеть пивка? С сушеными кальмарами, — во рту вдруг слюнки потекли от одного только воспоминания, — И фисташками...

На меня «вопросительно подняли бровь», я бы даже добавил, осуждающе и с сомнением в моей адекватности. К слову, не без причинной. Нет, я не сошёл с ума... Ну не более, чем раньше, просто нужно было собраться с мыслями, а то всё как-то слишком неожиданно произошло.

— Не ну а что? Я уже и не помню, когда в последний раз пил... или ел, а у меня, между прочим, стресс!

— Нет.

— А я знал, что у вас, блядских эльфов, нет чести, нет уважения... Нет пива*! — мне показалось или паранойя где-то на заднем фоне со словами «Ой дура-а-а-к» начала возводить второй слой силового щита? Ну, судя по дёргающемуся веку Франкенштейна — нет, не показалось.

— Ладно, прости, это всё нервное... Кхм, — кажется, мне не поверили.

— Даже без своих песен ты умудряешься меня бесить... — сказано это было так, словно Франкенштейн смирился со вселенской несправедливостью, понимая всю тщетность бытия.

— Ещё раз извини.

На меня лишь устало махнули рукой.

— Так о чём ты хотел поговорить? И, прошу тебя, в этот раз давай без своих... шуточек.

— Ладно, с чего бы начать? Впрочем, начну с начала.

В общем-то, ничего нового я ему не сказал, лишь коротко изложил свой план. Тот, где «хочешь хлопнуть дверью – хлопай, но меня только к этому не приплетай, а лучше дай тело погонять». Естественно, за такие слова едва по лицу не выхватил, благо «били» меня сугубо кулаком, от которого я уклонился, а вот используй он свою магию-вуду, которой «наколдовал» нам кресла и всё прочее, то, что-то мне подсказывает, я бы не просто не уклонился, а натурально копыта откинул. Так что, либо пациент сильно измотан и не способен на такие фортели (в чём я сильно сомневаюсь), либо моё предложение не столь уж и неприемлемо. Хотя может и то и другое, да ещё и третье (так, паранойя, ты когда успела третий слой барьера накрутить-то?!)

— И как ты себе это представляешь?

— Что именно? — потягивал-таки я своё пиво с сушёным кальмарчиком, правда без фисташек, которыми хрустел сам Франкенштейн... жмотяра. Да и, вообще, кто, блин, чай с фисташками пьёт, извращуга!

— Как я, по-твоему, должен тебе своё тело отдать, скажи мне на милость?

— А я-то откуда знаю? — каюсь, тут был мой косяк, как-то я даже не подумал об этом, просто взяв за аксиому то, что он это «как-то» сможет сделать.

— Ты не знаешь, а я почему должен?

— Так это же твоя черепушка, — отсалютовал ему полувыпитой кружкой пива. — Ты и думай. Ну или наколдуй там чего.

— Ты же понимаешь, что всё это звучит как полный бред?

— Ага, сказал мне живущий третий век учёный, который на коленке создаёт монстров, а потом использует их части во всяких сомнительных экспериментах по своему усилению... — теперь уже была моя очередь бухтеть.

— Ну, положим, не на коленке, — начал он, но я его перебил.

— В восемнадцатом-то веке? — глянул я на него как взрослый смотрит на маленького ребёнка, с упоением доказывающего, что это не он слопал торт, при этом с засохшими на лице следами «преступления». — Если это не «на коленке», то я уже и не знаю, что тогда.

Помолчали.

— Ладно, допустим, просто допустим! — выставил он оттопыренный вверх указательный палец, быстро затыкая собравшегося встрять в его слова, меня. — Даже если я «отдам» тебе своё тело, как бы это сейчас со стороны не прозвучало, то что тогда?

Я вопросительно поднял бровь.

— Я про ситуацию целиком. Прости, если это прозвучит как сомнение в твоих возможностях, чем по сути это и является, но что ты будешь делать дальше? С моим «уходом» вампиры чудесным образом не подobreют и не побегут, целуя тебе пятки, вытаскивать штыри из моего тела, переставая заливать меня подавителями по самые гланды. И, уж тем более, не отпустят на волю, извиняясь и обещая больше так не делать. Это я ещё про Копьё молчу...

— Я... что-нибудь придумаю, — оставалось лишь смущённо потупить взгляд. Да уж, звучит так, будто снова вернулся в студенчество, прямо в то время, когда до экзаменов оставалась одна ночь, а выучить надо было... всё. Вообще всё.

— Я очень в этом сомневаюсь, — капал он ядом, вновь скрестив руки на груди. — Если, как ты выразился «живущий третий век учёный и клепающий для себя на коленке сомнительные усиления из частей собственноручно созданного монстра» не смог за год ничего придумать, то куда уж тебе?

Обиделся ли я? Нет. Серьёзно – нет. На правду не обижаются. Я прекрасно понимаю разницу между мной и Виктором, понимаю, что далеко не так умён и изобретателен, как он, но несмотря на это я всё же был уверен, что у меня есть шанс. По крайней мере, если и умирать, то с пониманием, что сделал всё возможное и не получилось, чем думал, что не получится и не стал делать вообще ничего. В общем-то, это я ему и озвучил.

— И что? Мне сейчас упасть тебе в ноги, крича, что был не прав и собственноручно удавиться, отдавая тебе всё: своё имя, тело, знания и силу? — Франкенштейн со вздохом помассировал переносицу. — Пойми, не будь копьё, я бы мог так пролежать и десять лет, и двадцать – рано или поздно, но удачный случай бы подвернулся, но я не могу, понимаешь? Не могу себе это позволить!

— А разве не Копьё и есть то, что не даёт тебе умереть? — что-то я запутался.

— Не даёт, — кивнул он. — Я про то, что не желай оно меня сожрать, а работай на моё благо, то тогда и проблемы бы не было. Я – есть и ключ и замок, и клетка, что ограждает этот мир от него, понимаешь?

— Честно? Нет.

На меня посмотрели с усталостью и откровенной жалостью.

— Ты, вообще, знаешь, что оно такое?

— Откуда, блять? — вспыхнул я. — Ты же в молчанку играешь и ебучими шарадами со своим «один ответ в обмен на молчание» мне мозги выносишь!

— Вообще-то это была твоя идея.

— Ой, блять, заткнись и говори уже. Я знаю про твоё Копьё только то, что это жуть какая-то, не дающая тебе умереть, но и сводящая тебя с ума. А ещё оно очередной результат твоего сумрачного гения...

— Ха... — усталый вздох. — Да, я его создал. Во время войны.

— Ну? Чего замолчал-то? Мне что из тебя всё щипцами теперь вытаскивать? Какой войны? С кровососами?

— Второй Мировой Войны, — это я чёта не понял сейчас. — Но, да, создал я его из вампиров и... прочих тварей. Я долго проводил исследования, искал способы стать сильнее, улучшить себя, получить то, что было у моих врагов, но не было у меня — сверхъестественной силы...

— И ты...?

— И я, — передразнил он. — Ты знал, что у Германии на службе были свои специальные батальоны, состоящие из сверхъестественных существ? Вампиры, оборотни, мутанты и даже маги.

— Чего, блять?

— Больше известны как секретное крыло Аненербе. Ими, если правильно помню, кто-то из верхов Рейха лично занимался. Курировал операции, в смысле. Если не ошибаюсь, его звали Иоганном Шмидтом.

— Красный череп? — ну, здравствуй, Марвел, что, пять минут никуда корни не пускал и не удержался?

— Кто?

— Ну, Иоганн Шмидт – Красный череп из Гидры. Личный враг Капитана Америки.

— Хм, забавно...

— Так, прости, давай не будем отвлекаться? Продолжай.

— Благодарю. За время своей жизни я многое успел повидать. Смотрел на что способны старшие вампиры, сражался с демонами, видел их силы. Пусть я находился на пике человеческих возможностей, а сердце давало мне регенерацию, при которой потеря конечности не становилась приговором, но не смотря на всё это, я проигрывал им. Оружие, технологии, что я использовал... В какой-то момент они перестали справляться, становясь скорее обузой, чем преимуществом. Особенно, когда мои враги, даже самые слабые, были оснащены разнообразным вооружением, что превращало их из обычной раздражающей массовки в тех, с кем приходится считаться. Я не говорю уже о облачённых в глухую прочную броню старших вампиров, для которых перестала существовать разница между днём и ночью.

Виктор прикрыл глаза, словно вновь переживая те моменты.

— Тогда я хотел найти решение непростой задачи: как мне уравнивать шансы? Как обрести больше силы? Как нивелировать неожиданную разницу между нами, ведь никто не собирался меня отпускать так просто. Да и я бы не прекратил, ведь остановиться для меня означало умереть. Не в прямом смысле, а как учёному. Хотя, учитывая обстоятельства, то и в прямом, — под конец горько усмехнулся он.

— Да-да, я понял, что ты у нас гений, миллиардер, плейбой, вивисектор, дальше то что?

— Дальше? Рано ещё для «дальше». Сначала была Первая Мировая война, изменившая всё. Война, в которой сражались не только обычные люди при поддержке передового на тот момент вооружения и техники, но и другие, сверхъестественные существа, позволившие мне воочию убедиться в пропасти, между нами. Благо, «материала» для исследования на тот момент у меня было достаточно. За долгие годы мне удалось разгадать секрет их силы – Суть.

— Суть? — ей богу, мне приходится выносить ему мозг неделями, а он аналогичного успеха умудряется добиться всего за несколько часов... и не единожды!

— Естество, натура, природа. Одним словом – Суть.

— Как душа, что ли?

— Нет, душа это – душа, а Суть – это Суть. Вижу, что не понимаешь. Я тоже в своё время долго не мог понять, ища тут скрытый смысл, которого не было. В любом случае, когда я осознал, то план сам сложился в голове. Это был грандиозный эксперимент на стыке генетики, биологии, оккультизма... да и много чего ещё. Нужен был материал. Много материала. И подопытные.

Много. А там так удачно очередная мировая война началась, где все сражались со всеми, используя всё, что могли...

— Ладно, я понял, ты крут, но можно покороче? Самую выжимку, для тупых, пожалуйста.

— Для тупых так для тупых, — покачал он осудительно головой из стороны в сторону, за то, что я, такой плохой «редиска», не дал ему затянуть ещё одну лекция на пол дня. — Тёмное Копьё — это паразитическая сущность симбиотического типа, созданная из тысяч, спаянных воедино существ. Их Сути, разорванной, подавленной, сломленной, переплавленной и выкованной воедино из всех. Оно безумно, изменчиво, пластично, но в то же время монолитно в своём порыве. В своей ярости, ненависти и голоде. Ему без разницы, кто перед ним: друг, враг, мужчина или женщина, старик или ребёнок — его единственное желание — поглотить всех. Сожрать, разорвать, уничтожить и утолить вечный голод хоть на жалкое мгновение, становясь сильнее.

Виктор устало вздохнул.

— Оно чем-то напоминает мне моё первое творение, — он провёл пальцами по левой стороне груди, прямо над сердцем. — Его я тоже создавал, думая, чего смогу добиться с его помощью, а не того, что оно станет моим проклятием. Мне казалось, что я смог учесть ошибки прошлого... Копьё обладает огромной силой. Позволяет сражаться на равных с такими врагами, о которых я раньше мог лишь краем уха слышать. Оно делает меня сильнее, поглощает врагов... Но самым страшным моим врагом является оно само. Не высшие вампиры, демоны, Дракула, тысячелетние оборотни или ещё кто, а оно. Они, твари из легенд, могут всего лишь убить, разорвать тело, поиздеваться, а Копьё — поглотит душу и разум, стоит лишь ослабить контроль, а уж там оно захватит пустующую оболочку, обретая настоящую свободу. И в мире станет на одного ужасного и безумного монстра больше. Монстра, равного которому попросту не будет, ведь все мы для него — лишь пища. Копьё не будет скрываться как прочие монстры, оно устроит кровавую бойню везде, где окажется. Пока не будет уничтожено, а это, поверь мне, будет очень сложно и со временем будет становиться лишь сложнее...

— Что-то я не понял, то ты мне тут битый час заливаешь, что Копьё вырвется, устроит всем тотальный пиздец, чего ты не хочешь, то, прости за выражение, ноешь, что «уйдешь, напоследок погромче хлопнув дверью». Не кажется ли тебе, что тут есть... — пощёлкал я пальцами в воздухе, подбирая слова. — Противоречие?

— Нет, — усмехнулся Виктор. — Тут нет противоречия. Чтобы Копьё «порезвилось напоследок» мне нужно выпустить его, будучи ещё в собственном сознании, вот только в моём текущем состоянии я не смогу его «загнать» обратно в клетку. Я буду находиться в сознании, борясь в последней схватке за свой разум с ним, пока оно будет рвать моих врагов, а потом, когда я почувствую, что сил противостоять у меня уже не остаётся, я просто остановлю собственное сердце, умерев. Умрёт моё тело, за ним моя Суть, а потом и Копьё, к которому оно привязано. Не скажу, что это будет просто, но я заберу его с собой. Если же я этого не сделаю или в ближайшее время не выберусь, то велика вероятность, что более не смогу противиться воздействию Копья и оно поглотит мой разум, захватывая тело. Тогда... Впрочем, ты уже знаешь. Вот этого я и боюсь, пойми...

— А тут я со своими песнями... — побалтывая в кружке остатками пива, я сидел и сокрушался: в очередной раз то, что я считал жопой, оказалось лишь картинкой, за которой была настоящая задница. Да и Марвел тут какой-то неправильный – всякие демоны, вампиры и маги, сражающиеся под эгидой фрицев... Неужели действительно комиксы, а не киновселенная? Если да, то это плохо, ведь насколько помню, в комиксах было намешано всякой ереси разной, от которой голова кругом идёт.

— А тут ты со своими песнями, — на лице Франкенштейна отразилась кривоватая улыбка, которую он попытался скрыть за чашкой чая. Не очень успешно, правда.

— Так, а чего от тебя кровососы то хотят?

— Ясно чего – работал чтобы на них. Местный главный дурачок всё хочет, чтобы я его от светобоязни излечил... Идиот, — на мой немой вопрос он дополнил ответ. — Заставить он меня не может – его внушение на мне не работает – слабое слишком, вот и маринует, пока сам не соглашусь, да только всё равно не в моих это силах.

— Чего так, неужто Великий Франкенштейн, создатель монстров, гений и всё вот это прочее, не в силах вылечить бедного вампирушку от аллергии на солнце?

— Нет, не в силах – это в их Сути.

— Ах, да, таинственная Суть, — передразнил его я. — Теперь всё понятно! — по моему лицу было видно, как мне «всё понятно», вот только Виктор не собирался ничего объяснять, скорчив такую морду, с которой профессор кафедры «Проблем Квантовой физики» смотрит на гуманитария, не понимающего простейшего принципа неопределенности Гейзенберга.

Помолчали. В это время я ещё раз задавался вопросом, надо ли мне всё это? Ответ, как ни странно, был всё тот же – надо. Может, я ни черта не понимаю во всей этой научной и псевдонаучной ереси, которую подчас несёт Франкенштейн, может не осознаю той пропасти, куда улечу, стоит Копью сломать и подчинить мой разум, но я всегда был человеком дела, а не мысли. Да, в последнее время мне приходилось быть скорее вторым, чем первым, но сути это не меняло. Хах, сути...

— Вижу, — начал Виктор, после того как я поднял на него блуждавший по кабинету взгляд. — Мои слова не смогли тебя переубедить... Жаль. Очень жаль.

— Я надеюсь ты сейчас не будешь как какой-нибудь злодей из дешевых мюзиклов с грустным лицом вырывать мне кадык, приговаривая «Не я такой – жизнь такая»?

— О, нет, мюзиклы это у нас по твоей части, — в первый раз за всё время рассмеялся он. Громко, надрывисто, по-настоящему. — Тебе удалось невозможное – отбить у меня любовь к музыке! Этого не смогли сделать даже новомодные «певцы» хип-хопа, гордись! — утирая капельки слёз в уголках глаз, Виктор казался живым, даже не смотря на болезненно

осунувшееся лицо и исхудалое тело.

— Я сделаю кое-что хуже, — его лицо изменилось, став вмиг серьёзным. — Я заставлю тебя ответить за свои слова. Ты хотел свободы? Ты её получишь. Заявлял о своей силе воли? У тебя будет шанс проверить её на деле. Хотел показать, что умнее и находчивее меня? Докажи это или умри. Но запомни, с этого момента моя совесть будет чиста — теперь все деяния, как мои прошлые, так и твои будущие будут лежать на твоей совести. Ты сам этого хотел, — ехидно улыбнулся он.

— А можно без пафоса? — с лицом, просящим кирпича, беспощадно убил момент. Хотя это только внешне, внутреннее же мне одновременно хотелось прыгать от счастья, осознавая, что у меня, кажется, получилось и биться в истерике, понимая, что теперь вся та бездна проблем Франкенштейна повиснет на мне мёртвым грузом.

— Какая же ты всё-таки сволочь...

* — ВИА — вокально-инструментальный ансамбль.

<https://www.youtube.com/watch?v=JnF-yNTXOaQ> - Про эльфов, у которых нет пива.

<http://tl.rulate.ru/book/99886/3553163>